

Читатель. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Читатель. Максим Горький

..Была ночь, когда я вышел на улицу из дома, где, в кругу близких мне людей, читал свой напечатанный рассказ. Меня много хвалили за него, и, приятно взволнованный, я медленно шагал по пустынной улице, впервые в моей жизни испытывая так полно наслаждение жить.

Это было в феврале; ночь была ясная, и безоблачное небо, густо затканное звёздами, дышало бодрым холодом на землю, покрытую пышным убором только что выпавшего снега. Ветви деревьев, перевешиваясь через заборы, бросали на мою дорогу причудливые узоры теней, ярко и радостно блестя снежинки в голубом, ласковом сиянии луны. Нигде не было видно ни одного живого существа, и скрип снега под моими ногами был единственным звуком, нарушавшим торжественную тишину этой ясной, памятной мне ночи... Я думал:

«Хорошо быть чем-нибудь на земле, среди людей!»

И воображение, не скупясь на яркие краски, рисовало мне моё будущее...

– Да, вы написали славную вещицу!.. Это – так! – задумчиво сказал кто-то за моей спиной.

Я вздрогнул от неожиданности и оглянулся.

Маленький, одетый в тёмное, человек поравнялся и пошёл в ногу со мной, снизу вверх глядя в моё лицо и улыбаясь острой улыбкой. В нём всё было остро: взгляд, скулы, подбородок с эспаньолкой; вся его маленькая, сухая фигурка колела глаза своей странной угловатостью. Он шёл легко и как-то беззвучно, точно скользил по снегу. Я не видал его там, где читал, и, понятно, был удивлён его возгласом. Откуда, кто он?

– Вы... тоже слушали? – спросил я.

– Да, имел удовольствие.

Говорил он тенором. Губы у него были тонкие, чёрные маленькие усы не скрывали их улыбку. Она не исчезала, производя неприятное впечатление, я чувствовал, что за ней скрыта какая-то едкая, нелестная для меня мысль. Но я был слишком хорошо настроен для того, чтоб долго останавливаться в наблюдении за этой чертой моего спутника, и, мелькнув в глазах моих, как тень, она быстро исчезла пред ясностью моего довольства собой. Я шёл рядом с ним, ожидая, что он скажет, втайне надеясь, что он увеличит количество приятных минут, пережитых мною в этот вечер. Человек жаден, потому что судьба слишком редко улыбается ему ласково.

– А хорошо чувствовать себя чем-то исключительным? – спросил мой спутник.

Я не услышал в его вопросе ничего особенного и поспешил согласиться с ним.

– Хе, хе, хе! – колко засмеялся он, нервно потирая свои маленькие руки с тонкими, цепкими пальцами.

– А вы весёлый человек!.. – сухо сказал я, задетый его смехом.

– Да, я весёлый человек, – улыбаясь, подтвердил он и качнул головой. – И ещё я очень любопытен... Я всегда хочу знать; всё знать – это моё постоянное стремление, оно-то и поддерживает во мне бодрость. Вот и сейчас я хочу знать – что стоит вам ваш успех?

Я посмотрел на него и нехотя ответил ему:

– Около месяца работы... может быть, немного более...

– Ага! – живо подхватил он. – Немножко труда, затем частица житейского опыта, который всегда чего-нибудь стоит... Но это недорого всё-таки, когда такой ценой вы приобретаете сознание, что вот в данный момент несколько тысяч людей живут вашей

Читатель. Максим Горький gorkiymaxim.ru
мыслью, читая ваше произведение. И потом приобретаются надежды на то, что, может быть, со временем... хе, хе!.. и когда вы умрёте... хе, хе, хе!.. За всё это можно больше дать, больше того, сколько дали вы нам, – не правда ли?

Он опять засмеялся своим дробным, колющим смехом, лукаво оглядывая меня острыми, чёрными глазками. Я тоже посмотрел на него сверху вниз и, обиженный, холодно спросил его:

– Извините... с кем я имею удовольствие беседовать?

– Кто я? Вы не догадываетесь? А я, пока, не скажу вам, кто я. Разве для вас знать имя человека более важно, чем знать то, что он скажет вам?

– Конечно, нет... Но всё это – странно! – ответил я. Он для чего-то тронул меня за рукав пальто и, тихонько посмеиваясь, заговорил:

– Но и пускай будет странно, – почему бы человеку не позволить себе иногда выйти из рамок простого и обыденного?.. И если вы не прочь сделать это – давайте поговорим откровенно?

Вообразите, что я – читатель... некий странный читатель, который очень любопытен и желал бы знать, для чего и как делается книга... вами, например? Давайте же поговорим.

– О, пожалуйста! – сказал я. – Мне приятно... такие встречи и разговоры... не каждый день возможны. – Но я уже лгал ему, ибо для меня всё это становилось неприятным. Я думал:

«Чего он хочет? И с какой стати я позволю себе придавать этой уличной встрече, с незнакомым мне человеком, характер какого-то диспута?»

Однако я всё-таки медленно шёл рядом с ним, стараясь выразить на лице моем любезное внимание к моему спутнику. Это, я помню, с трудом удавалось мне. Но всё-таки у меня пока было ещё много бодрого настроения, я не хотел обидеть этого человека отказом говорить с ним и решил следить за собой.

Луна сияла в небе сзади нас, и наши тени лежали у нас под ногами. Слившись в одно тёмное пятно, они ползли впереди нас по снегу, а я смотрел на них и ощущал в себе зарождение чего-то такого, что, как эти тени, было темно, неуловимо и, как они, тоже впереди меня.

Мой спутник помолчал с минуту времени и потом заговорил уверенным тоном господина своих дум:

– Ничего нет в жизни более важного и любопытного, чем мотивы человеческих действий...

Не правда ли?

Я кивнул головой.

– Вы согласны!.. Так давайте поговорим откровенно – не упускайте случая говорить откровенно, пока вы ещё молоды!..

«Странный человек!» – подумал я и, заинтересованный его словами, спросил его, усмехаясь:

– Но о чём говорить?

Он, взглянув мне в лицо, с фамильярностью старого знакомого воскликнул:

– Будем говорить о целях литературы!

– Пожалуй... хотя, мне кажется, уже поздно...

– О! для вас ещё не поздно!..

Я остановился, удивлённый этими словами, – он произнёс их с такой серьёзной

читатель. Максим Горький gorkiymaxim.ru
уверенностью, и они звучали – как иносказание. Я остановился, желая что-то спросить у него, но он, взяв меня за руку, тихо и настойчиво повёл вперёд, говоря мне:

– Не останавливайтесь, ибо со мной вы на хорошем пути... Довольно предисловий! Скажите, – чего хочет литература?.., вы ей служите, вы должны это знать.

Моё изумление росло в ущерб моему самообладанию. Что нужно от меня этому человеку? Кто он?

– Послушайте, – сказал я, – согласитесь, что всё происходящее между нами...

– Имеет своё достаточное основание, – верьте мне! Ведь ничто в мире не совершается без достаточного к тому основания... Идёмте же скорее, но не вперёд, а вглубь...

Бесспорно, этот чудак был интересен, но он сердил меня. Я снова сделал нетерпеливое движение вперёд; он следовал за мной и спокойно говорил мне:

– Я понимаю вас: вам трудно в этот момент дать определение цели, которую преследует литература. – Попробую я сделать это...

Он вздохнул и потом с улыбкой посмотрел мне в лицо.

– Вы согласитесь со мной, если я скажу, что цель литературы – помогать человеку понимать себя самого, поднять его веру в себя и развить в нём стремление к истине, бороться с пошлостью в людях, уметь найти хорошее в них, возбуждать в их душах стыд, гнев, мужество, делать всё для того, чтоб люди стали благородно сильными и могли одухотворить свою жизнь святым духом красоты. Вот моя формула; она, разумеется, неполна, схематична... дополняйте её всем, что может одухотворить жизнь, и скажите – вы согласны со мной?

– Да, это так!.. – сказал я. – Приблизительно – это так. Принято думать, что, в общем, задача литературы – облагородить человека...

– Вот какому великому делу вы служите! – внушительно сказал этот человек... и снова он засмеялся своим едким смехом: – Хе, хе, хе!

– Однако к чему вы говорите всё это? – спросил я, делая вид, будто его смех не задевает меня.

– А как вы думаете?

– Откровенно говоря... – начал я, придумывая колкость, и замолчал. Что значит говорить откровенно? Этот человек неглуп, он должен знать, как тесны границы человеческой откровенности и как стойко охраняет их самолюбие. Взглянув в лицо моего спутника, я почувствовал себя глубоко уязвлённым его улыбкой, – в ней было столько иронии и презрения! Я чувствовал, что начинаю бояться чего-то, боязнь эта понуждает меня уйти от него.

– До свидания! – сухо сказал я, приподнимая шляпу.

– Почему? – тихо воскликнул он.

– Я не люблю шуток, когда в них нет чувства меры.

– И – уходите?.. Дело ваше... но, знаете, если вы теперь уйдёте от меня, мы уже никогда не встретимся.

Слово «никогда» он подчеркнул, и оно прозвучало в ушах моих, как удар похоронного колокола. Я ненавижу это слово и боюсь его: оно всегда представляется мне тяжёлым и холодным, чем-то вроде молота, предназначенного судьбой для того, чтобы раздроблять надежды людей. Это слово остановило меня.

– Что вам нужно? – с тоской и злобой спросил я.

– Сядем здесь, – снова усмехаясь, произнёс он и, крепко взяв меня за руку, потянул её вниз.

В этот момент мы с ним были в аллее городского сада, среди неподвижных, обледенелых ветвей акации и сирени. Освещённые луной, они висели в воздухе над головой моей, и мне казалось, эти покрытые льдом и инеем жёсткие ветви проникают мне в грудь, касаются сердца.

Недоумевающий, озадаченный выходкой моего спутника, я смотрел на него и молчал.

«Это больной», – подумал я, желая ободрить себя и объяснить себе его действия. Но он как-то угадал мою мысль.

– Ты думаешь, что я ненормален? Оставь это. Это такая дрянная и вредная мысль!

Прикрываясь ею, как часто мы отказываемся от понимания человека только потому, что он оригинальнее нас, и как стойко эта мысль поддерживает и осложняет печальную небрежность наших отношений друг к другу!

– О, да!.. – сказал я, всё сильнее ощущая в себе смущение пред этим человеком. – Но, извините, я пойду... Мне пора уже...

– Ступай, – сказал он, пожав плечами. – Иди... но знай, что ты спешешь потерять себя...

– Он выпустил мою руку из своей, и я пошёл прочь от него.

Он остался в саду на горе, спускавшейся к Волге, на горе, покрытой белой пеленой снега, перерезанной тёмными лентами тропинок. Пред ним открывался широкий вид на безмолвную, унылую равнину за рекой. Этот человек остался в саду, сел на одну из скамеек и стал смотреть в пустынную даль, а я шёл вдоль по аллее и чувствовал, что не уйду от него, но всё-таки шёл.

Шёл я и думал: «Следует мне идти тихо или быстро для того, чтоб показать ему, – человеку, что сидел там, сзади меня, – как мало он для меня значит?»

Вот он тихо насвистывает что-то знакомое... Я знаю, что это смешная и грустная песня о слепом, который взял на себя роль вожака слепых. «Зачем он именно её насвистывает?» – подумал я.

И тут я понял, что с той минуты, как я встретился с этим маленьким человечком, я вступил в тёмный круг ощущений исключительных и странных. Недавнее, ровное и довольное настроение моего духа облеклось в туман ожидания чего-то важного и тяжёлого.

«Как же ты будешь вожаком, Если с дорогой незнаком?»

– вспоминал я слова песни, которую насвистывал тот человек.

Я обернулся и посмотрел на него. Облокотясь одной рукой о колено и положив голову на ладонь, он смотрел на меня, свистал, и его чёрные усы шевелились на лице, освещённом луной. Я решил вернуться назад, движимый каким-то роковым чувством. Быстро подошёл я к нему, сел рядом и сказал ему, не волнуясь, но горячо:

– Послушайте, будем говорить просто...

– Это необходимо для людей, – кивнул он головой.

– Вы, я чувствую, обладаете силой какого-то воздействия на меня и, очевидно, имеете что-то сказать мне... да?

– Наконец, ты нашёл в себе мужество слушать! – воскликнул он со смехом; но теперь этот смех был мягче и даже что-то близкое к радости послышалось мне в нём.

– Так говорите! – сказал я, – и если можете, говорите без странностей...

– О, хорошо! Но согласись, что ведь странности были необходимы для того, чтоб

читатель. Максим Горький gorkiymaxim.ru

привлечь ко мне твоё внимание? Теперь притупляется внимание к простому и ясному, как чересчур холодному и жёсткому, а согреть и смягчить что-нибудь мы не умеем: мы сами холодны и жестки.

Мы, кажется, снова хотим грёз, красивых вымыслов, мечты и странностей, ибо жизнь, созданная нами, бедна красками, тускла, скучна! Действительность, которую мы когда-то так горячо хотели перестроить, сломала и смяла нас... Что же делать? Попробуем, быть может, вымысел и воображение помогут человеку подняться ненадолго над землёй и снова высмотреть на ней своё место, потерянное им. Потерянное, не правда ли? Ведь человек теперь не царь земли, а раб жизни, утратил он гордость своим первородством, преклоняясь пред фактами, не так ли? Из фактов, созданных им, он делает вывод и говорит себе: вот непреложный закон! И, подчиняясь этому закону, он не замечает, что ставит себе преграду на пути к свободному творчеству жизни, в борьбе за своё право ломать для того, чтобы создавать. Да он и не борется больше, а только приспосаблиется... Чего ради ему бороться? Где у него те идеалы, ради которых он пошёл бы на подвиг? Вот почему живётся так бедно и скучно, вот почему обессилел в человеке дух творчества... Некоторые слепо ищут чего-то, что, окрыляя ум, восстановило бы веру людей в самих себя. Часто идут не в ту сторону, где хранится всё вечное, объединяющее людей, где живёт бог... Те, которые ошибаются в путях к истине, – погибнут! Пускай, не нужно им мешать, не стоит их жалеть – людей много! Важно стремление, важно желание души найти бога, и, если в жизни будут души, охваченные стремлением к богу, он будет с ними и оживит их, ибо он есть бесконечное стремление к совершенству... Так ли?

– Да, – сказал я, – это так...

– Ты, однако, умеешь соглашаться, – заметил мой собеседник, колко усмехаясь. Потом он помолчал, глядя вдаль. Мне показалось, что он долго молчит, и я нетерпеливо вздохнул. Тогда он, не обращая на меня своего взгляда, блуждавшего вдали, спросил:

– Кто есть твой бог?

До этого вопроса он говорил мягко и ласково, и мне приятно было его слушать: как и все думающие люди, он был немного печален, был близок мне, я понимал его, и моё смущение пред ним гасло. И вот вдруг он ставит роковой вопрос, на который так трудно ответить человеку нашего времени, если этот человек честно относится к себе. Кто есть мой бог? Если б я знал это!

Я был подавлен вопросом, да и кто бы, на моём месте, сохранил присутствие духа?
– А он смотрел на меня своими острыми глазами, улыбался и ожидал моего ответа.

– Ты молчишь слишком долго для человека, который мог бы дать ответ. Может быть, ты скажешь мне что-нибудь, если я спрошу тебя вот о чём: ты пишешь, и тысячи людей читают тебя; что же именно ты проповедуешь? И думал ли ты о твоём праве поучать?

Первый раз в жизни я смотрел так внимательно вглубь себя. Пусть не думают, что я возвышаю или унижаю себя для того, чтоб привлечь к себе внимание людей, – у нищих не просят милостыни. Я открыл в себе немало добрых чувств и желаний, немало того, что обыкновенно называют хорошим, но чувства, объединяющего всё это, стройной и ясной мысли, охватывающей все явления жизни, я не нашёл в себе. В душе моей много ненависти; она постоянно тлеет там, иногда вспыхивает ярким огнём гнева; но – ещё больше сомнений в душе моей. Порой они так потрясают мой ум, так давят сердце, что долгое время я существую внутренне опустошённый...

Ничто не возбуждает меня к жизни, сердце моё холодно, как мёртвое, ум спит, а воображение даёт кошмары. И так, слепой, немой и глухой, живу я долгие дни и ночи, ничего не желая, ничего не понимая; мне кажется тогда, что я уже труп и лишь по какому-то странному недоразумению ещё не зарыт в землю. Ужас такого существования ещё больше усиливается сознанием необходимости жить, ибо в смерти ещё менее смысла, ещё больше тьмы... Наверное, она отнимает даже и наслаждение ненавидеть...

Что же, в самом деле, я проповедую, я – такой, каков есть? И что я могу сказать людям?

Читатель. Максим Горький gorkiymaxim.ru

То, что уже давно говорили им и всегда говорят, что находит себе слушателей, но не делает людей лучшими? Но имею ли я право проповеди этих идей и понятий, если сам я, воспитанный на них, часто поступаю не так, как они повелевают? Если я иду противу них, значит ли это, что убеждение в их истинности есть искреннее моё убеждение, заложенное в основе моего «я»?.. Что же отвечу я человеку, который сидит рядом со мной? А он уже устал ждать моих ответов и снова заговорил:

– Я бы не поставил тебе этих вопросов, если б не видал, что твоё честолюбие ещё не успело уничтожить твою честь. Ты имеешь мужество слушать меня... из этого я заключаю, что твоя любовь к себе разумна, ибо для того, чтоб усилить её, ты не бежишь даже и от мук. За это я облегчу тяжесть твоего положения предо мной и буду говорить с тобой, как с виновным, а не как с преступником.

– ...Когда-то среди нас жили великие мастера слова, тонкие знатоки жизни и человеческой души, люди, одухотворённые неукротимым стремлением к совершенствованию бытия, одухотворённые глубокой верой в человека. Они создавали книги, которых никогда не коснётся забвение, ибо в книгах тех запечатлены вечные истины, нетленной красотой веет с их страниц. Образы, начертанные в тех книгах, живы, они одушевлены силой вдохновения. В тех книгах есть и мужество, и гнев пылающий, в них звучит любовь искренняя и свободная, и ни одного лишнего слова нет в них. Оттуда, я знаю, ты черпал пищу душе своей... Но, должно быть, плохо питалась душа твоя, ибо у тебя речь о правде и любви звучит фальшиво и лицемерно, точно ты насилуешь себя, когда говоришь об этом. Ты, как луна, чужим светом светишь, свет твой печально-тускл, он много плодит теней, но слабо освещает и не греет он никого. Ты нищ для того, чтобы дать людям что-нибудь действительно ценное, а то, что ты даёшь, ты даёшь не ради высокого наслаждения обогащать жизнь красотой мысли и слова, а гораздо больше для того, чтоб возвести случайный факт твоего существования на степень феномена, необходимого для людей. Ты даёшь для того, чтобы больше взять от жизни и людей. Ты нищ для подарков, ты просто ростовщик: даёшь крупицу твоего опыта под проценты внимания к тебе. Твоё перо слабо ковыряет действительность, тихонько ворошит мелочи жизни, и, описывая будничные чувства будничных людей, ты открываешь их уму, быть может, и много низких истин, но можешь ли ты создать для них хотя бы маленький, возвышающий душу обман?.. Нет! Ты уверен, что это полезно – рыться в мусоре буден и не уметь находить в них ничего, кроме печальных, крошечных истин, устанавливающих только то, что человек зол, глуп, бесчестен, что он вполне и всегда зависит от массы внешних условий, что он бессилен и жалок, один и сам по себе? Знаешь, его, пожалуй, уже успели убедить в этом! Ибо душа его охлаждена и ум – туп... Ещё бы! Он смотрит на своё изображение в книгах, а книги, – особенно если они написаны с той ловкостью, которую так часто принимают за талант, – всегда несколько гипнотизируют человека. Он смотрит на себя в твоём изображении и, видя, как он дурен, не видит возможности быть лучше. Разве ты умеешь показать ему эту возможность? Разве ты можешь сделать это, когда ты сам... но я пощажу тебя за то, что, слушая меня, ты, я чувствую, думаешь не над тем, как бы возразить мне и оправдать себя. Так! Ибо учитель, если он честен, всегда должен быть внимательным учеником. Все вы, учителя жизни наших дней, гораздо больше отнимаете у людей, чем даёте им, ибо вы всё только о недостатках говорите, только их видите. Но в человеке должны быть и достоинства; ведь у вас они есть? А вы, чем вы отличаетесь от дюжинных, серых людей, которых изображаете так жестоко и придиричиво, считая себя проповедниками, обличителями пороков ради торжества добродетели? Но замечаете ли вы, что добродетели и пороки – вашими усилиями определить их – только спутаны, как два клубка ниток, чёрных и белых, которые от близости стали серыми, восприняв друг от друга часть первоначальной окраски? И едва ли бог послал вас на землю... Он выбрал бы более сильных, чем вы. Он зажгёт бы сердца их огнём страстной любви к жизни, к истине, к людям, и они пылали бы во мраке нашего бытия, как светильники его силы и славы... Вы же чадите, как факелы торжества сатаны, и чад ваш, проникая в умы и души, отравляет их ядом недоверия к себе. Скажи: чему вы учитесь?

Я чувствовал на щеке своей горячее дыхание этого человека и не смотрел на него, боясь встретиться с его взглядом. Его слова падали в мой мозг, как огненные капли, и от этого мне было больно... Я с ужасом понимал, как трудно отвечать на простые вопросы... И не ответил ему.

– Итак, я, усердный читатель всего, что ты пишешь и что пишут подобные тебе, спрашиваю: чего ради вы пишете? А вы – много пишете... Хотите ли вы пробудить добрые чувства в сердцах людей? Но холодными и бессильными словами вы не сделаете этого, нет! И вы не только не можете дать жизни что-либо новое, вы и

Читатель. Максим Горький gorkiymaxim.ru
старое даёте в скомканном, измятом, лишённом образа виде.

Читая вас, ничему не поучаешься, ни за что, кроме вас, не стыдишься. Всё будни, будни, будничные люди, будничные мысли, события... Когда же будут говорить о духе смятённом и о необходимости возрождения духа? Где же призыв к творчеству жизни, где уроки мужества, где бодрые слова, окрыляющие душу?

– ...Ты можешь сказать мне: жизнь не даёт иных образов, кроме тех, которые воспроизводим мы. Не говори так, ибо для человека, имеющего счастье владеть словом, стыдно и позорно сознаваться в своём бессилии пред жизнью и в том, что не может он встать выше её. А если ты стоишь на одном уровне с жизнью, если ты не можешь силой воображения твоего создать образы, которых нет в жизни, но которые необходимы для поучения её, – какая польза в твоей работе, и чем оправдаешь ты звание своё? Загромождая память и внимание людей мусором фотографических снимков с их жизни, бедной событиями, подумай, не вредишь ли ты людям? Ибо – сознайся! – ты не умеешь изображать так, чтоб твоя картина жизни вызвала в человеке мстительный стыд и жгучее желание создать иные формы бытия... Можешь ли ты ускорить биение пульса жизни, можешь ли ты вдохнуть в неё энергию, как это делали другие?

Мой странный собеседник остановился на минуту, а я молча думал о его словах.

– Я вижу вокруг себя много умных людей, но мало среди них людей благородных, да и те, которые есть, разбиты и больны душой. И почему-то всегда так наблюдаю я: чем лучше человек, чем чище и честнее душа его, тем меньше в нём энергии, тем болезненнее он, и тяжело ему жить.

Одиночество и тоска – удел таких людей. Но как ни много в них тоски о лучшем, – у них нет сил для создания его. Не потому ли они так разбиты и жалки, что им не дано, своевременно, помощи ободряющим душу словом?..

– ...И ещё, – продолжал мой странный собеседник, – можешь ли ты возбудить в человеке жизнерадостный смех, очищающий душу? Посмотри, ведь люди совершенно разучились хорошо смеяться! Они смеются зло, смеются подло, часто смеются сквозь слёзы, но никогда не услышишь среди них радостного, искреннего смеха, того смеха, который должен бы сотрясать груди взрослых, ибо хороший смех оздоравливает душу... Для человека необходимо смеяться, ведь смех – одно из немногих преимуществ его над животными. Можешь ли ты возбудить в людях какой-либо иной смех, кроме смеха порицания, кроме пошлого смеха над тобой, человеком, который лишь потому смешон, что жалок? Пойми, – твоё право проповедывать должно иметь достаточное основание в твоей способности возбуждать в людях искренние чувства, которыми, как молотками, одни формы жизни должны быть разбиты и разрушены для того, чтоб создать другие, более свободные, наместо тесных. Гнев, ненависть, мужество, стыд, отвращение и, наконец, злое отчаяние – вот рычаги, которыми можно разрушить всё на земле. Ты можешь создать такие рычаги?

Ты можешь привести их в движение? Для того, чтобы иметь право говорить к народу, нужно иметь в душе или великую ненависть к его недостаткам, или великую любовь к нему за его страдания; если же нет в душе твоей этих чувств, будь скромнен и много подумай прежде, чем что-либо сказать...

Уже светало, но на душе моей всё более сгущалась тьма. А человек, для которого не было тайн в душе моей, всё говорил. Иногда во мне вспыхивала мысль:

«человек ли он?»

Но, поглощённый его словами, я не мог думать над этой загадкой, и вновь в мой мозг, как иглы, вонзались его слова.

– Жизнь всё-таки растёт и вширь, и вглубь, хотя растёт она медленно, ибо у вас нет силы и умения ускорить её движения. Растёт жизнь, и с каждым днём люди учатся спрашивать. Кто будет отвечать им? Должны бы вы, апостолы-самозванцы. Но понимаете ли вы жизнь настолько, чтоб объяснять её другим? Понимаете ли вы запросы своего времени, предчувствуете ли вы будущее, и что вы можете сказать для возбуждения человека, растлённого мерзостью жизни, павшего духом? Он упал духом, его интерес к жизни низок, желание жить с достоинством в нём иссыкает, он хочет жить просто, как свинья, и – вы слышите? – уже он нахально смеётся, когда произносят слово – идеал: человек становится только грудой костей, покрытых

читатель. Максим Горький gorkiymaxim.ru
мясом и толстой шкурой, – эту скверную грудку двигает не дух, а похоти. Он требует внимания – скорее! помогайте ему жить, пока он ещё человек! Но что вы можете сделать для возбуждения в нём жажды жизни, когда вы только ноете, стонете, охаете или равнодушно рисуете, как он разлагается? Над жизнью носится запах гниения; трусость, холопство пропитывают сердца, лень вяжет умы и руки мягкими путами... Что вы вносите в этот хаос мерзости? Как вы все мелки, как жалки, как вас много! О, если б явился суровый и любящий человек с пламенным сердцем и могучим всеобъемлющим умом! В духоте позорного молчания раздались бы вещие слова, как удары колокола, и, может быть, дрогнули бы презренные души живых мертвецов...

После этих слов он долго молчал. Я не смотрел на него. Не помню, чего было больше во мне – стыда или ужаса?

– Что ты можешь сказать мне? – раздался безучастный вопрос.

– Ничего! – ответил я.

И опять было молчание.

– А как же ты теперь будешь жить?

– Не знаю!.. – ответил я.

– Что же ты будешь говорить?

Я промолчал.

– Нет мудрости превыше молчания!..

Мучительна была пауза между этими его словами и смехом, который раздался вслед за ними.

Он смеялся с наслаждением, как человек, которому давно уже не представлялось случая посмеяться так легко и приятно. У меня сердце кровью плакало от этого проклятого смеха.

– Хе, хе! И это ты – учитель жизни? Ты, которого легко смутить? Теперь, я думаю, ты понял, кто я? да? Хе, хе, хе... И каждый из вас, юношей, родившихся стариками, так же бы смутился, если бы захотел иметь дело со мною. Лишь тот, кто облёк себя в броню лжи, нахальства и бесстыдства, не дрогнет перед судом своей совести. Так вот как ты силен: толчок – и ты падаешь! Скажи мне, ну скажи мне что-нибудь в своё оправдание, опровергни то, что я сказал! Освободи сердце твоё от стыда и боли. Будь хоть на минуту сильным, уверенным в себе, и я возьму назад то, что бросил в лицо твоё. Я поклонюсь тебе... Покажи мне в душе твоей что-нибудь такое, что помогло бы мне признать в тебе учителя! Мне нужен учитель, потому что я человек; я заплутался во мраке жизни и ищу выхода к свету, к истине, красоте, к новой жизни, – укажи мне пути! Я человек, – ненавижу меня, бей, но извлекай из тины моего равнодушия к жизни! М хочю быть лучшим, чем есть; – как это сделать? учи!

Я думал: могу ли я, могу ли удовлетворить тем требованиям, которые человек, по праву своему, предъявляет ко мне? Жизнь гаснет, умы людей всё плотнее охватывает тьма сомнений, и нужно найти исход. Где путь? Одно я знаю – не к счастью нужно стремиться, зачем счастье? Не в счастье смысл жизни, и довольством собой не будет удовлетворён человек: он всё-таки выше этого. Смысл жизни в красоте и силе стремления к целям, и нужно, чтобы каждый момент бытия имел свою высокую цель. Это было бы возможно, – но не в старых рамках жизни, в которых всем так тесно и где нет свободы духу человека...

А он снова смеялся, но уже тихо, смехом человека, сердце которого изъедено думами.

– Как много было людей на земле, но как мало воздвигнуто на ней памятников людям!

Почему бы это? Но предадим проклятию прошлое, – слишком много оно возбуждает зависти к себе.

Ибо в настоящем вовсе нет таких людей, которые по смерти оставили бы за собой какой-нибудь след на земле. Дремлет человек... И – никто не будит его. Дремлет он и – превращается в животное. Бич ему нужен и огненная ласка любви, вслед за ударом бича. Не бойся сделать ему больно: если ты, любя, бьёшь, он поймёт твой удар и примет его как заслуженный. Когда же ему будет больно и стыдно за себя, ты пламенно обласкай его – и он возродится... Люди? Это всё ещё дети, хотя порой они поражают злодейством своих дел и извращённостью мысли. И они всегда нуждаются в любви к ним, в постоянной заботе о свежей и здоровой пище для их душ... А ты умеешь любить людей?

– Любить людей? – переспросил я с сомнением, ибо, право, не знаю, люблю ли я людей.

Нужно быть искренним – я не знаю этого. Кто скажет про себя: вот – я люблю людей! Человек, внимательно следящий за собой, долго подумает над этим вопросом, прежде чем решится сказать: люблю. Все знают, как далёк от каждого из нас наш ближний.

– Ты молчишь? Всё равно – я понимаю тебя и безмолвного... И я уйду...

– Уже? – тихо спросил я. Потому что, как ни страшен он был для меня, сам я для себя – ещё страшнее...

– Да, я уйду... Не раз ещё я приду к тебе. Жди!

И он ушёл.

Как ушёл? Я не заметил этого. Он быстро и бесшумно ушёл, как исчезают тени... Я же ещё долго оставался на скамье в саду, не чувствуя холода извне и не замечая, что уже солнце взошло и ярко блестят лучи его на обледенелых ветвях деревьев. Странно было мне видеть ясный день и солнце, сияющее равнодушно, как всегда, и эту старую, измученную землю, одетую покровом снега, ослепительно сверкавшего в лучах солнца...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiyamaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!